между 1790—1870-ми годами. При этом в рамках этого широкого периода выделяются три этапа: 1790 — начало 1820-х годов; начало 20-х — конец 40-х годов; конец 40-х (1848 г.) — 70-е годы XIX в. Приходится, однако, сожалеть, что последнему этапу — довольно сложному, в этом плане почти не изученному,— отведено всего полторы страницы, между тем как «предыстория» романтизма занимает половину статьи. Такое соотношение выдерживается и во всей книге в целом: о развитии романтизма в 50—70-е годы в ней нет ни одной специальной статьи, а к проблемам «предыстории», отношению романтиков к литературному прошлому авторы возвращаются неоднократно (их ставят И. Неупокоева, А. Елистратова, М. Сенци, Е. Сапрыкина, К. Хорват, Л. Галди). Так что в книге допущена заметная непропорциональность в «объеме внимания» к тому или иному периоду истории романтизма.

Важной и значительной особенностью «Европейского романтизма» является то, что его авторы избегают упрощенного восприятия историко-литературного процесса как некоего последовательного прихода и ухода направлений. Нельзя не заметить, что романтизм берется авторами не просто как «звено» между классицизмом, просвещением и реализмом, а как процесс. И сами выделяемые три этапа романтизма «представляют не этапы развития одного направления, но этапы движения различных направлений, то приближающихся друг к другу, то соединяющихся, то отдаляющихся друг от друга, или даже вступающих между собой в борьбу» (с. 89). Мы видим, что романтизм не только борется с классицизмом и Просвещением: «поначалу критическое отношение к традициям классицизма и просветительской литературы прочно сплетено с явным их продолжением» во всех областях, во всех литературных жанрах (с. 30, 31). «В некоторых странах романтизм выступает параллельно с различными проявлениями классицизма», который «воздействует на характер самого романтизма, придавая ему классицистический оттенок» (с. 69). В ряде национальных литератур Центральной и Восточной Европы на развитие романтизма, помимо собственных социально-исторических факторов, сильное воздействие оказывает прежде всего движение «Буря и натиск» (Гердер, Гете, Шиллер), нежели немецкий романтизм как таковой (с. 51).

Развитие романтизма в европейском контексте — это не равномерное и одновременное движение по всем национальным литературам. На первый период приходится расцвет немецкого и английского романтизма, а французский или русский романтизм активизируются в 20-е годы. В 30—40-е годы, когда наблюдается подъем прежде всего реализма, в ряде стран Центральной и Юго-Восточной, Северной Европы нарастает «новая волна романтической поэзии» (Мадач, Эминеску, Сигнеус, ранний Ибсен, Кардуччи, Х. Ботев). Да и в литературах, охваченных расцветом реалистического искусства, романтизм продолжает активно действовать синхронно с «большим реализмом» — романтизм Лермонтова, Петефи, Гейне, Негоша, Шевченко, Эспронседы, К. Г. Махи, Леопарди, Прешерна, Сладковича, Н. Ленау, Я. Краля, Х. Вергеленна, Ж. Санд, В. Гюго, Бестужева-Марлинского и др.

Сложностью и разнообразием отличаются взаимоотношения романтизма и реализма. Мы видим, как реализм рождается в недрах романтизма («Дон Жуан» Байрона, «Евгений Онегин» Пушкина, «Пан Тадеуш» Мицкевича, «Толди» Я. Араня, исторические романы В. Скотта, Ю. Крашевского и других); как в реалистических произведениях используются романтический опыт (с. 84) и, наоборот, в романтических произведениях — реалистический опыт (с. 27); как реалист «вдруг» создает романтическое произведение («Лилия в долине» Бальзака); как одни писатели идут от романтизма к реализму или от реализма к романтизму (Ш. Петефи) или «параллельно» создают и романтические и реалистические произведения (М. Лермонтов). Подобными сложными соотношениями между романтизмом и реализмом особенно характеризуются 40—70-е годы, которые, как мы уже заметили, с этой точки зрения, к сожалению, не исследуются специально.

И в национальных, и в зональных вариациях романтизм выступает в довольно многообразных формах, появляется как порождение различных национально-исторических условий, выполняет различные социальные функции. Как реакция на Великую французскую буржуазную революцию появляется прежде всего западноевропейский романтизм — немецкий, французский, английский. Раздвижение географических и хронологических рамок романтизма показывает, что во многих странах Европы он вызывается национально-освободительными движениями, буржуазно-демократическими «национальными» революциями и выражает «общенациональные», «общенародные» настроения и интересы. Так было в итальянской литературе, в которой этапы развития романтизма, как показывает Е. Сапрыкина, «хронологически совпадают с главными фазами национально-освободительной борьбы» (с. 180). Так было и с русским романтизмом (поэзия декабристов), с венгерским (Петефи), польским (Мицкевич), болгарским (П. Славейков) романтизмом: как определенное «направление», общественное явление он появляется в каждой национальной литературе, когда в жизни страны совершается национально-освободительное движение, когда формируется национальная литература, национальный характер. Так было, между прочим, и вне европейского региона — в литературах Закавказья (романтизм А. Чавчавадзе, Н. Бараташвили,